

**Теоретические аспекты истории социокультурной адаптации русских в
Англии последней трети XIX века**

Воробьев Илья Аркадьевич

Аспирант

*Российский государственный университет имени И. Канта, Исторический
факультет, Калининград, Россия*

E-mail: sparoff@mail.ru

Феномен российской дореволюционной эмиграции является в настоящее время объектом все более пристального внимания со стороны отечественных исследователей. Его специфика обуславливает потребность обращения ученых к ряду теоретических вопросов.

Один из наиболее важных вопросов относится к определению основных направлений и исследовательских задач в рамках изучения истории эмиграции. Так, А. Я. Киперман говорит о необходимости изучения факторов, способствовавших социокультурной адаптации эмигрантов, и выделяет среди них следующие: относительные политические свободы и безопасность от возможной выдачи России; удобные и короткие пути сообщения, благоприятные условия для обеспечения надежной и быстрой связи с родиной; возможность получения постоянного заработка, сравнительная дешевизна средств существования; полноправная политическая жизнь, развитое общественное движение в стране пребывания [1].

Лондон в последней трети XIX в. удовлетворял большей части перечисленных требований (за исключением, пожалуй, стоимости жизни — повсеместные жалобы на дороговизну оказываются общим местом в воспоминаниях эмигрантов), что, конечно же, в значительной мере облегчало социокультурную адаптацию членам русской диаспоры.

Академик Ю. А. Поляков, в свою очередь, видит следующие направления в исследовании истории русской эмиграции: определение правового статуса эмигрантов из России; дифференцированное изучение адаптации различных социальных и профессиональных групп эмигрантов; пути решения ими языковых проблем и преодоления психологического барьера, дискомфорта; выявление их уровня политической и общественной активности, культурной деятельности; учет отношения эмигрантов к своей родине, национальным ценностям, анализ всей суммы факторов, способствующих или препятствующих успешной адаптации [2].

Важное условие успешной исследовательской работы по эмиграционной тематике — четкость ее понятийно-терминологической составляющей. В связи с этим представляется необходимым дополнить предложенный А. Я. Киперманом и Ю. А. Поляковым перечень направлений и задач первостепенной задачей определения важнейших понятий, и в частности понятия «диаспора». Разброс мнений на счет последнего в современной литературе велик — от обозначения термином всей российской эмиграции в целом до замкнутых групп эмигрантов, объединившихся по профессиональному признаку.

В. А. Тишков в статье «Исторический феномен диаспоры» отметил, что сущность диаспоры далеко не всегда обуславливается сохранением у ее представителей (особенно начиная со второго поколения) особого чувства привязанности к «исторической родине»

[3]. Данное замечание представляется малоприменимым к русской диаспоре поздневикторианской Англии, которая была образована преимущественно из мигрантов первого поколения, хорошо помнивших российские реалии и продолжавших жить в русском культурном пространстве.

Таким образом, под диаспорой следует понимать более или менее устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, проживающую за пределами своей исторической родины. Важной отличительной чертой диаспоры является осознание ее членами своей национальной и социальной общности, а также наличие социальных и иных институтов, обеспечивающих функционирование и развитие диаспоры, ее социальную и культурную самостоятельность.

Русскую эмигрантскую колонию в Англии последней трети XIX в. можно считать своего рода протодиаспорой. Совокупность протекавших внутри нее процессов следует рассматривать как этап, предшествующий складыванию диаспоры в классическом ее понимании. Формирование институтов, призванных способствовать развитию диаспоры, еще только шло в эти годы — оно во многом и составляло процессы социокультурной адаптации эмигрантов.

Наряду с понятием «диаспора» необходимо разобраться с понятиями «русская эмиграция» и «русская эмиграция», так как от этого зависит методика подсчета численности эмигрантов. Понятие «русская эмиграция» значительно более узкое, чем «русская эмиграция». Известно, что в английском языке нет разницы между терминами «русский» и «русский», поэтому эмиграция из Российской империи обозначается с указанием на страну отбытия — «Russian emigration». Очень часто и отечественные исследователи неоправданно употребляют понятия «русская эмиграция» и «русская эмиграция» (придавая последнему национальное значение) как синонимичные.

Нужно иметь в виду, что в Англию из Российской империи на протяжении всего XIX в. эмигрировали главным образом люди нерусского происхождения, не идентифицировавшие себя русскими и не владевшие русским языком как родным. В Англии в 1901 г. насчитывалось 61 789 выходцев из Российской империи [4]. По наблюдениям английских чиновников из Министерства торговли и Королевской комиссии по вопросам иностранной иммиграции, фактически все иммигранты, прибывавшие в Англию из России, были евреями. Исследователь Б. Гайнер даже пришел к заключению, что практически не представляется возможным выяснить, сколько всего эмигрантов из России не являлись евреями [5, р. 4]. Эти данные весьма красноречиво свидетельствуют о том, что использовать термин «русский» следует применительно далеко не ко всем участникам русской эмиграции в Англии.

Представляется вполне очевидным тот факт, что русская диаспора в поздневикторианской Англии была невелика. Ее костяк формировали политические эмигранты, относительная немногочисленность которых хорошо видна на фоне общей статистики. По данным Н. Л. Пушкаревой, в начале 80-х гг. XIX в. в вынужденном изгнании за рубежом находились около 500 человек. К началу XX в. за счет расширения социального состава политэмиграции это число возросло примерно втрое [6, с. 56]. Немногочисленность диаспоры, а также характерные черты, присущие британскому обществу последней трети XIX в., обуславливали специфику процессов социокультурной адаптации русских эмигрантов в Англии.

Источники и литература

1. 1. Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции
2. 70—80-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 257—295.
3. 2. Поляков Ю. А. Адаптация и миграция — важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов. М., 1996. С. 14—18.
4. 3. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—XX вв. М., 2001. С. 9—44.
5. 4. Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom: English Liberals and Russian Socialists, 1890—1917 // Oxford Slavonic papers. New Series. 1970. Vol. 3. P. 45—64.
6. 5. Gainer B. The Alien Invasion: The Origins of the Aliens Act of 1905. L., 1972.
7. 6. Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. 1. С. 53—65.